

ВСЕЛЕННАЯ
АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ

НАЧАЛО

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*
В оформлении переплета использована работа
художника *И. Хивренко*

Круз, Андрей.

К84 Эпоха Мертвых. Начало / Андрей Круз. — Москва :
Эксмо, 2018. — 608 с.

ISBN 978-5-04-098163-2

В результате теракта из микробиологической лаборатории, принадлежащей российско-американской компании «Фармкор», вырвался вирус, который был создан для борьбы с неизлечимыми заболеваниями и смертоносными эпидемиями. Руководил лабораторией известный российский ученый Владимир Сергеевич Дегтярев, а в подготовке теракта участвовала его дочь Ксения. Девушке очень не нравилось, что под руководством папы в «Фармкору» мучают обезьян. Ей и в голову не могло прийти, что некоторые из лабораторных животных стали носителями самого опасного вируса в истории человечества...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098163-2

© Круз А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ПРОЛОГ

Этот весенний день ничем не отличался от других. Середина марта, самое начало весны. Разве что весна была необычно теплой, и снег, и без того не слишком обильный, совсем стаял. Еще не зазеленевшие газоны расплылись грязью, лужи растеклись по тротуарам от бордюра до бордюра, вынуждая прохожих искать обходные пути, но весна пришла, она витала в воздухе, и люди, уставшие от мерзкой в последние годы московской зимы, ждали тепла. В общем, весна как весна — предчувствие лучшего, обновление жизни. Отличался этот день лишь одним: он стал последним в череде неспешного течения себе подобных. Еще никто ничего не знал, еще ехали машины по улицам города, еще спешили люди по своим делам. Еще даже ничего не успело случиться, но все сущее, весь мировой уклад жизни уже начал разгоняться под гору, к тому последнему трамплину, откуда лишь один путь — во тьму.

К Смерти.

Сестры Дегтяревы

19 марта, понедельник, день

Старшую сестру звали Ксенией, ей было девятнадцать. Высокая, темноволосая и темноглазая, она не была похожа ни на мать, ни на отца, зато удивительно напоминала портреты своей прабабки по материнской линии, актрисы Театра Станиславского, игравшей почти все главные роли в военные и послевоенные годы, вплоть до своей трагической гибели в авиакатастрофе в 1962 году. Ксения училась в МГУ на факультете журналистики, куда попала почти исключительно благодаря способностям, совсем незначительной помощи своего дяди и редкой красоте, от которой млели и таяли мужчины-экзаменаторы. А невинность в глазах и нежный голос располагали к ней экзаменаторов-женщин, даже обладавших самыми черствыми сердцами.

Училась она на отделении тележурналистики, мечтая в будущем создавать репортажи в защиту животных, природы и еще чего-нибудь, заставляющие рыдать зрителей. Всякое зверье она любила безумно, и эта любовь не раз приводила к самым горьким последствиям. Принесенные кошки съедали птичек и вылавливали рыбок из аквариума. Спасенные собаки конфликтовали с кошками и время от времени устраивали погромы в квартире. Животные затем передавались в хорошие руки, чтобы освободить место следующим спасенным.

Впрочем, в последние месяцы в квартире установилось шаткое равновесие — новый аквариум затруднял коту лов

рыбы, а хомячков было решено не покупать больше, чтобы не откармливать эту огромную пушистую черную тварь с мрачными желтыми глазами. Между собакой — помесью кавказской овчарки и еще неизвестно кого — и котом установилось некое перемирие, основанное на незлобивом характере первой и чудовищной наглости и хитрости второго. Короче говоря, коту удалось приспособить окружающую среду к своим взглядам на жизнь.

Сейчас Ксения «агитировала за советскую власть», по выражению своей матери. Речь была адресована сестре младшей, шестнадцатилетней школьнице Ане, которая животных любила, но в журналисты не рвалась, а ее жизненные планы сводились лишь к победе в большинстве кубков «Большого шлема» и дальнейшему заселению своими портретами всех таблоидов мира. Для этого она пять раз в неделю проводила по три часа в теннисной школе в Новой Олимпийской деревне, активно и старательно вбивая желтые мячики в покрытие корта. Кроме того, каждый день немного времени посвящала школьным домашним заданиям и очень много времени — стоянию голышом в ванной перед зеркалом с фотографиями Курниковой и Шараповой на туалетном столике. Каждый раз, признавая, что фигура у нее не хуже, чем у Курниковой, а лицо не хуже, чем у Шараповой, она в целом приходила к выводу, что объединила в себе достоинства обеих и место на первых страницах журналов светской хроники лучше бронировать уже сейчас. Аня, лицом неуловимо напоминавшая как мать, так и отца, была натуральной блондинкой, среднего роста и со спортивной фигуркой.

Сестры пили чай, сидя перед барной стойкой в просторной кухне, сверкающей нержавеющей сталью, что делало ее похожей то ли на морг из американского детективного кино, то ли на командный пост звездолета из старой советской фантастики.

В эту квартиру семья Дегтяревых вселилась всего несколько месяцев назад, переехав из типовой панельной многоэтажки на Мичуринском проспекте. Отец сестер,

Владимир Сергеевич, был известным в академических кругах вирусологом и половину своей трудовой карьеры провел в экспедициях, в охоте на особо редкие и особо пакостные виды заразы. Опубликовал Владимир Сергеевич немало статей и монографий, что принесло ему много славы в научных кругах и очень мало денег.

Однако несколько лет назад ему повезло. Группа, которую он возглавлял, вошла в состав смешанной российско-американской команды вирусологов. Американцы получили грант от какого-то американского же фонда, обретающегося при Центре контроля за инфекционными заболеваниями в Атланте. В результате Владимир Сергеевич отправился в экспедицию не куда-нибудь, а сначала в Австралию, а потом на Гаити. Вернулся он оттуда почерневшим от загара и с новой темой для работы, в которую погрузился с головой. И сразу же вслед за этим последовало приглашение возглавить исследовательскую группу в России, работающую по этой программе. Владимир Сергеевич думал недолго, особенно когда ему рассказали о зарплате, бонусах и иных возможностях, которые позволяли поднять уровень жизни семьи на невиданную ранее высоту.

Впрочем, чуть позднее выяснилось, что настоящим местом работы Владимира Сергеевича оказалась небезызвестная компания «Фармкор», принадлежащая не менее небезызвестному Александру Бурко — большому олигарху с наклонностями слона в посудной лавке. Именно он финансировал фонд, даром что тот американский, а сам Бурко на сто процентов наш, посконный, из-под родных осин.

Таким образом, Владимир Сергеевич въехал со своими сотрудниками в двухэтажное здание по Автопроездной улице, которое в былые времена было лабораторным корпусом одного из московских автозаводов. После того как завод пришел в упадок, немалую часть его территории раскупили другие компании, и немалый кусок отхватила некая компания «Химпродукт» — одна из бесчисленных «дочек» «Фармкаора».

Место было уединенным. Въезд на него был сложным, через территорию завода, хотя сам двор примыкал к Автопроездной улице, и при желании и небольших усилиях вполне можно было организовать отдельную проходную.

Затем на новой территории появился бывший сотрудник Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, известной еще как ФСИН, некто Оверчук Андрей Васильевич — среднего роста, плотный, с незапоминающимся лицом, но при этом наглый как танк. В настоящее время бывший «кум» Оверчук числился в рядах службы безопасности концерна «Фармкор» и занимал там отнюдь не рядовую должность. Его трудами влачившие жалкое существование дедки-вахтеры сменились на рослых ребят в черной полувоенной форме, с пистолетами и телескопическими дубинками на поясе и с самозарядными дробовиками за плечом. Затем территорию филиала заполонили рабочие, туда потянулись грузовики с оборудованием, и через шесть месяцев бывший лабораторный корпус завода, построенный из серых бетонных блоков, посеревших под дождями, и навевавший уныние своей убогостью, преобразился во вполне современное с виду здание с поляризованными стеклами в окнах и с еще более современной начинкой внутри.

Если сказать проще — такой лаборатории у Владимира Сергеевича до сего момента еще не было. Омрачало его работу там лишь регулярное присутствие Оверчука, которого Владимир Сергеевич не переносил даже на дух, подозревая в нем глубокую душевную мерзость. Впрочем, Оверчук и сам на глаза Дегтяреву не лез, появляясь на территории лаборатории не чаще чем пару раз в неделю и ненадолго, лишь приглядывая за ней вполглаза. У него и других дел хватало. Так что рабочий процесс последние несколько лет шел спокойно.

Еще смущало то, что частная компания взялась за работу с малоизученными вирусами в черте города, не ставя, естественно, об этом никого в известность. Владимир Сер-

геевич знал, с какими мерами предосторожности работают те же военные биологи — его однокашник Кирилл Гордеев возглавлял такую закрытую военную лабораторию по разработке вакцин. Здесь ничего похожего на их меры безопасности не наблюдалось. Сам Оверчук уверял, что залог безопасности — привлекать как можно меньше внимания. Впрочем, работать с опасными культурами здесь тоже никто не собирался, так что слишком сильно об этом Дегтярев не задумывался. К тому же «Фармкор» единым махом подписал контракт с Владимиром Сергеевичем чуть ли не на пожизненную занятость, положил ему поистине царскую зарплату, а недавно посодействовал с получением льготного, почти беспроцентного кредита на покупку квартиры.

В результате семья Дегтяревых въехала в новенький, если и не элитный, то вполне соответствующий понятию «бизнес-класс», дом неподалеку от метро «Университет», а старая их квартира была довольно удачно продана, обеспечив маму сестер, Алину Александровну, свободными средствами на покупку мебели. Казалось, наступило благоденствие.

Однако та пылкая речь, которую сейчас произносила Ксения перед младшей сестрой, не была хвалой Дегтяреву-отцу за их улучшившуюся жизнь. Ксения открыла, что вирусологи проводят опыты на животных. Не то чтобы она не знала этого раньше, но Владимир Сергеевич больше работал «в поле», и заражали животных его коллеги. Теперь же Владимир Сергеевич стал работать в лаборатории. И однажды вечером старшая дочь задала ему как бы между делом вопрос:

— Па, а вы каких животных используете? Ну, в смысле для опытов?

Погруженный в свои мысли Дегтярев, даже не осознав истинного смысла вопроса, машинально ответил, что, естественно, полный набор — от крыс до обезьян. Разговор развития не получил, но Ксения мгновенно заклемила родителя как «живодера» и «вивисектора». К тому же она имела неосторожность поделиться новым знанием со сво-

ими друзьями с факультета, по разным причинам разделившими ее взгляды на проблему защиты прав животных. В результате вокруг Ксении образовался эдакий круг единомышленников, который не давал утихнуть страстям вокруг «живодерства» Владимира Сергеевича.

Ксения даже почти перестала разговаривать с отцом, за исключением тех случаев, когда ей нужны были деньги, в которых мать ее ограничивала. Но Владимир Сергеевич, трудоголик в тяжелой стадии этого уважаемого заболевания, судя по его поведению, этого даже и не заметил, тем самым лишая дочь возможности ответить ему гневной отповедью на вопрос: «Ксенечка, а что случилось?» Теперь в роли папиного адвоката выступала сестра.

— Как ты можешь его оправдывать? Он ставит опыты на животных! Ты это понимаешь? Это все равно как если бы он ставил опыты на Барсике или на Мишке! — Так звали кота и собаку. — Их ты любишь? Ведь любишь? Ты бы отдала их папочке, чтобы он заразил их какой-нибудь чумой и смотрел, что из этого получится?

— Во-первых, отец их сам любит. Барсик вообще у него на подушке спит. Не у тебя, а у него, кстати. Во-вторых, тебе известен какой-нибудь другой способ испытывать лекарства? Насколько я слышала, такого еще не придумали...

— Вот пусть и занимаются сначала изобретением способа, а потом своими диссертациями!

Аня хмыкнула:

— Мне кажется, отец защитил все возможные диссертации уже лет десять назад. Или больше?

— Значит, помогает другим защищать, своим подельникам!

— А ты хоть знаешь, чем они занимаются?

— Не знаю и знать не хочу! — отмахнулась Ксения. — Мне достаточно того, что они мучают животных в своей лаборатории.

Аня пожала плечами, как будто говоря: «Что с дураками разговаривать», но все же сказала:

— Насколько я знаю, они занимаются возможностью сохранения организма в длительных космических полетах без замораживания. И вообще выживанием в экстремальных условиях. Типа попал в Антарктиду — замерз. Перевезли тебя в тепло — сам отмерз и дальше пошел. Еще куда-то попал — и опять с тобой ни фиги не случилось. Что-то отключилось в организме, а потом включилось, когда надо.

Ксения фыркнула и уставилась на сестру, уперев руки в бока.

— И откуда же ты этого набралась, Курникова? Тренер рассказал?

— Я в записи отца посмотрела, — невозмутимо ответила сестра. — Они у него все на столе лежат. Он статью или книгу пишет о своей работе. Возьми сама и почитай.

— И ты хочешь сказать, что все поняла? У тебя по биологии что в полугодии было? — добавив в голос столько сарказма, сколько получилось, спросила Ксения.

— Я вступление поняла, — пожала плечами Аня. — Хочешь понять остальное — читай сама, ты — умная, ты — отличница, про защиту животных скоро в телевизор попадешь. Вот иди в таком случае — и читай. Типа журналистское расследование.

— Откуда к тебе это «типа» прицепилось? — съехидничала Ксения. — От твоих дружков-спортсменов дебильных?

— Нет, из книжек, которые выпускники журфака пишут. Кстати, что такое «фак», я знаю. А вот «жур» что значит? — с притворной заинтересованностью спросила Аня.

— Ты до этого пока не доросла.

— Ну не доросла, так не доросла, — легко согласилась младшая. — Мне пора.

Аня вышла из кухни, подхватила с пола в прихожей свою теннисную сумку, согнав с нее разомлевшего кота, и вышла в холл. Когда она подошла к двери, зазвонил телефон связи с охраной. Аня проигнорировала звонок, лишь обернулась вглубь квартиры и крикнула:

— Отличница! Остальные защитники прав крыс к тебе пожаловали! — и вышла за дверь.

С «защитниками» она столкнулась, выходя из лифта. «Защитников» было четверо — одна девушка и трое ребят. Девушка Маргарита и двое ребят учились с Ксенией на одном отделении факультета журналистики. Третьим был старший брат Маргариты — Семен. Впрочем, маленький и щедедушный Семен в очках в толстой квадратной пластиковой оправе, как у музыканта Моби, совершенно не шедшей к его худому остренькому личику, выглядел намного младше своей сестры. Маргарита была полновата, к тому же неудачно полновата — целлюлитные бедра образовывали «уши», которые она пыталась затолкать в слишком тесные черные брюки. Брюки «уши» не уменьшали, а, наоборот, подчеркивали, к тому же жирноватые Маргаритины бока вываливались из тесного пояса и свисали, как взошедшее тесто из квашни.

Сама Маргарита почему-то считала себя богемной особой, тяготела к «готическому» стилю, поэтому красила волосы в радикально-черный цвет с ярко-красными прядями и носила похоронно-черный мейкап, который, вкупе с длинным носом и черными же глазами навывкате, делал ее образ просто пугающим. На факультет журналистики она попала стараниями своего папы, который вел все финансовые дела одного из центральных каналов телевидения.

Семен уже заканчивал Бауманку и был очень способным программистом. Однако применять свой несомненный талант в мирных целях ему было скучно, и однажды он настолько удачно блеснул способностями, что только благодаря вездесущему папе ему удалось миновать суд и тюрьму — гибралтарский филиал голландского банка жаждал крови и человеческих жертвоприношений.

Двое других ребят были отпрысками потомственных телевизионных семей. Дима, высокий, слегка косящий и рано лысеющий, был внуком известного в советские времена международного комментатора, а Игорь — сыном продюсера музыкального канала. В общем, вся эта компа-

ния образовалась из-за того, что Игорь — темноволосый, смазливый и избалованный девичьим вниманием — решил добиться благосклонности Ксении.

В отличие от остальных девушек Игорь Ксения не рухнула без сил перед его напором. Ксения была слишком погружена в себя и слишком себя же любила для этого. Поэтому к ухажерам она относилась несколько пренебрежительно и — пожалуй, можно сказать и так — деспотично. Не всегда даже замечая факт их наличия. В результате Игорь взялся защищать животных и окружающую среду, о судьбе которых никогда в жизни не задумывался, его друг Дима присоединился к ним потому, что он всегда присоединялся к Игорю, Маргарита числила себя подружкой Димы, и все бы осталось на уровне кухонных разговоров, если бы не Семен.

Несмотря на мирную профессию программиста, в душе Семен был пассионарием и готов был посвящать все свое время любой форме политической активности: защите ли прав животных, борьбе за социальную справедливость, истреблению ли животных и борьбе против любой формы социальной справедливости — лишь бы это пахло заговором и давало ему ощущение собственной исключительности и причастности к чему-нибудь эдакому. Поэтому, после того как Семен вошел в их круг, мысли «защитников» начали принимать довольно конкретное и уже опасное направление.

Вся компания «заговорщиков», пропустив Аню и поздоровавшись с ней, поднялась на лифте на восьмой этаж и вышла в холл. Ксения уже ждала их у открытой двери. Расцеловавшись с ней, то есть дважды чмокая воздух возле щеки, как вдруг стало принято после показа рекламного ролика спрайта по телевизору, молодежь зашла в квартиру.

— Чай, кофе кто будет? — спросила Ксения.

Все захотели кофе. Ксения ушла на кухню, и было слышно, как там зажужжала кофемолка. По квартире потянуло ароматом хорошего свежемолотого кофе.

Владимир Сергеевич Дегтярев,
профессор

19 марта, понедельник, день

Владимир Сергеевич Дегтярев стоял в лаборатории перед двойной стеной из толстого ударостойкого стекла, обрамленного металлом. С Дегтяревым были еще двое. Один молод, высок, худ, жилист и слегка сутуловат, стрижен почти наголо. Второй, наоборот, немолод, небольшого роста, в очках без оправы. Свои седоватые редяющие волосы он зачесывал назад.

Высокого звали Сергеем Крамцовым, был он аспирантом, а Дегтярев — его научным руководителем. Вторым был американец из института, принадлежащего американской же фармацевтической компании «Ай-Би-Эф», доктор Биллитон. Он приехал поработать с Дегтяревым два месяца назад, и занимались они тем, что сводили воедино результаты, достигнутые в своих странах двумя командами ученых. Он неплохо говорил по-русски, а Дегтярев сносно объяснялся по-английски, так что обходились без переводчиков.

Сейчас они пришли в виварий «на ЧП», и вид у всех троих был весьма озадаченный. За стеклянными стенами в несколько ярусов выстроились стеллажи с большими проволочными клетками. Стеллажи разделялись стенами на отсеки. В некоторых отсеках было пусто, а в некоторых в клетках сидели зеленые маргышки, привезенные из Африки. В первом слева отсеке был разгром и беспорядок. Одна из клеток была открыта, другая еще и сброшена на пол. Дверца ее распахнулась, в самой клетке обезьяны не было, зато пол под решетчатой стенкой залит кровью, и в багровой, быстро густеющей липкой луже плавали клочки шерсти и еще какие-то куски.

Одна из обезьян, с вымазанной запекшейся кровью мордой, сидела на полу неподалеку и равномерно покачивалась взад и вперед, как китайский болванчик. Вторая сидела на перевернутой клетке, но не вся. В смысле сидела она